

Из-под кровати тут же слышались панические звуки беготни.

Бледная кожа альбиноса слабо светилась в темноте, рассеивая часть мрака.

В глубине этой тьмы его алые глаза пристально смотрели на лежащего рядом.

Серебристые волосы Нань Юя разметались по кровати, словно водопад. Обнажённая шея, белая и нежная, напоминала лучший фарфор. Алая родинка между бровями, точно зимняя слива, расцветшая среди снега, была одновременно пленительной и трогательной, излучая неотразимое очарование. Но сейчас его брови были нахмурены — очевидно, он погрузился в кошмар, и вид его вызывал желание разгладить эту тревогу.

Альбинос медленно достал из кармана леденец с малиной, который дал ему Нань Юй, развернул обёртку и отправил конфету в рот.

Кисло-сладкий вкус мгновенно разлился по языку, перебивая горечь. Это удивительное ощущение он испытывал впервые.

Он торопливо, в два счёта, разгрыз леденец. Его вкус заставлял возвращаться снова и снова, словно открывая дверь в новый мир ощущений.

Подняв взгляд, альбинос увидел на голове Нань Юя малого призрака, похожего на клубок белого тумана. От этого создания тянулась вверх нить.

Не колеблясь, он протянул руку, оборвал нить, схватил призрака и, засунув в рот, тщательно прожевал.

Спустя мгновение он вынес вердикт Сновидному призраку:

— Невкусно. Никакого вкуса. Превосходно этот леденец с малиной.

Лишившись контроля Сновидного призрака, брови Нань Юя постепенно разгладились. На этот раз он по-настоящему крепко провалился в сон.

Взгляд альбиноса приковали розовые губы Нань Юя.

Леденец был фиолетовым, а губы — розовыми.

Наверное, они мягкие на ощупь и такие же сладкие, как леденец?

Подумав так, он тут же перешёл к действию.

Он грубо вытащил Нань Юя из-под одеяла и притянул к себе в объятия.

Нань Юй нахмурился, что-то тихо пробормотал, но так и не проснулся.

Одной рукой альбинос запустил пальцы в белоснежные волосы Нань Юя, наслаждаясь шёлковой гладкостью, другой — обхватил его тонкую талию, словно желая навсегда приковать к себе.

Затем он наклонился и припал к губам Нань Юя.

Они оказались мягкими, как вата, с лёгкой сладостью — куда вкуснее леденца.

Движения альбиноса были грубыми и неумелыми, будто он хотел в прямом смысле съесть губы Нань Юя.

Вскоре во рту появился привкус ржавчины.

— Вкусно... Сладко... Моё. Всё моё.

— бормотал он в исступлении, и в его голосе звучало безумие и собственничество.

Альбинос упёрся подбородком в макушку Нань Юя, с наслаждением вдыхая его чистый аромат.

— Моё. Конфета. Моя.

— твердил он без остановки, и глаза его становились всё безумнее, с дикой жадой обладания.

Это было не чувство, а предельная власть над добычей, полный контроль.

Затем альбинос откинул серебристые волосы Нань Юя и яростно впился зубами в его шею сзади, до крови.

Нань Юй почувствовал боль, веки его задрожали, но он никак не мог проснуться.

На белоснежной коже затылка проявился чёрный таинственный цветок мандалы, излучающий жуткое красное сияние.

Чёрный цветок мандалы пробыл там лишь мгновение, а затем растворился под кожей.

В этот миг Метка Короля навеки, навсегда впечаталась в тело Нань Юя.

Безумие в глазах альбиноса медленно улеглось, оставив лишь бесконечное упоение.

Длинными, с выступающими суставами пальцами он легонько провёл по розовым губам.

И снова прошептал:

— Моё. Даже мёртвым — моё.

Альбинос вновь, грубо и небрежно, запихнул Нань Юя в тёплое одеяло.

Затем он слегка вскинул подбородок, щёлкнул пальцами.

Алое сияние в его глазах медленно, словно морской прилив, отступило, постепенно возвращаясь к прежнему нежно-розово-голубому цвету.

Юноша молча посмотрел на Нань Юя. Немного погодя он медленно лёг на соседнюю кровать и тихо закрыл глаза.

В то же время картинка на экране вновь вернулась в норму.

— Восстановилось! Восстановилось! А я говорил, как боги Нань и другие могли погибнуть.

— Боже, хорошо, что с нашим молодым господином всё в порядке.

В Поместье Шангуань супруги переживали настоящие американские горки. Они не отрываясь смотрели на экран, и каждое изменение заставляло их сердца замирать. Увидев, что их сын цел и невредим, они заплакали от радости, слёзы хлынули, словно прорвавшая плотину река.

— Одноклассники, пора вставать. Быстро спускайтесь и стройтесь на зарядку.

Низкий, с хрипотцой голос раздался вновь. Лампы дневного света замигали и наконец загорелись.

В общежитии послышалась возня, все начали не торопясь одеваться и спускаться с кроватей.

Нань Юй тоже постепенно очнулся среди этого шума.

Всё, что произошло несколько мгновений назад, всплывало в памяти, как кадры из фильма, ярко и отчётливо.

Ещё чуть-чуть — и он бы потерял всё это. А он, оказывается, сам того не заметив, уснул.

Он почувствовал жгучую боль в губах. Дотронувшись, обнаружил, что кожа в нескольких местах содрана.

— Кто меня укусил? Жить надоело?

Внутри у Нань Юя всё закипало от злости. Это же был его первый поцелуй!

Если он узнает, кто это сделал, Нань Юй был уверен — он свернёт этому человеку шею и будет пинать её, как футбольный мяч.

А виновник тем временем уже незаметно оделся и вышел из комнаты.

Нань Юй встал на лестницу, ведущую на верхнюю койку, и громко крикнул:

— Цинье, вставай!

Шангуань Цинье, сонно ворочаясь, поднялся. В его голове вдруг всплыли те леденящие душу картины.

Побледнев, он встал и, перепрыгнув через ограждение верхней койки, приземлился на ноги, словно ловкий гепард.

— Чёрт! Я вчера чуть не обделался. Думал, всё, хана.

— сказал Шангуань Цинье, всё ещё не оправившись от испуга.

Он был одного роста с Нань Юем, с прямой, как сосна, осанкой. Короткий ёжик на голове, правильные черты лица, меч-брови и ясные глаза — поразительно красив. Но сейчас он выглядел довольно потрепанным.

Школьная форма сидела на нём так, что он был точь-в-точь как тот задира из романов — наглый, разболтанный, своенравный, за которым всегда ходит свора прихвостней.

— Ничего себе, Нань Юй, тебе что, не страшно?

— У меня нет этого чувства — страха.

— бесстрастно ответил Нань Юй. Эти слова, словно тяжёлый валун, разом перекрыли все вопросы Шангуаня Цинье.

— Ладно, ладно. Ты крут.

Шангуань Цинье с досадой покачал головой.

— Пойдём вниз на зарядку? — снова спросил он.

— Нет, это слишком долго. Дождёмся, пока все уйдут, и сразу направимся в женское общежитие.

— А как же старуха-комендант в женском общежитии?

— У меня есть план. Только нужно провести один эксперимент с Ретроспекцией смерти. Иначе нам вдвоём этого коменданта ни за что не одолеть.

Альбинос говорил, что старуха-комендант боится красного. К тому же у него как раз есть красная рукописная стенгазета.

Нань Юй получил слишком мало информации. Значительная часть школы была окутана туманом, и найти другие полезные зацепки было просто невозможно.

— Ладно. Прямо ностальгия по школьным годам, как мы сбегали с утренней зарядки. Хотя я уже давно в школе не был. — с чувством произнёс Шангуань Цинье.

Они спрятались за дверь общежития, выглянули наружу и увидели, что группа уже собралась. Каждый отряд был ровным, квадратным, плотно прилегающим друг к другу, словно изготовившиеся к бою каре.

<http://bllate.org/book/21794/2254707>